

Осень в Вермонтe

18+

С ЛЮБОВЬЮ
ИЗ 90-Х

ДЖУЛИ ОЛИВИЯ

1001 история о любви

Джули Оливия

Осень в Вермонте

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111.31
ББК 84(7Coe)-44

Оливия Д.

Осень в Вермонте / Д. Оливия — «Эксмо», 2025 — (1001
история о любви)

ISBN 978-5-04-256424-6

Зажгите любимую осеннюю свечу, укутайтесь в уютный плед и перенеситесь в 1997 год. Городок Коппер-Ран в штате Вермонт встретит вас шуршанием золотых листьев и запахом свежих булочек. Мой новый сосед — идеальный персонаж любого ромкома. Золотой мальчик маленького городка? ✓ Отец-одиночка года? ✓ Мистер «идеальная фигура» — Без комментариев... Я же — героиня семейной драмы. После развода я уехала в Коппер-Ран, штат Вермонт, чтобы временно взять на себя управление гостиницей мамы. Этот городок должен был стать местом для перезагрузки, но все попытки испечь для гостей печенье или завязать светскую беседу заканчиваются катастрофой. Особенно в присутствии Клиффа. Его обаяние, шутки и потрясающая выпечка делают дружбу с ним и его дочерьми — практически неизбежной. У меня есть отличный план: через три месяца передать гостиницу младшей сестре, вернуться в Сиэтл и наконец получить долгожданное повышение. Всего одна осень в Вермонте... Но почему же я все чаще думаю о том, как поцеловать своего слишком привлекательного соседа? # тамагочи # полароид # CD-плеер # пейджер Роман с атмосферой сериала «Друзья».

УДК 821.111.31
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-256424-6

© Оливия Д., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

От автора	7
Плейлист	8
Пролог. Мишель	9
Сентябрь 1997	16
Глава 1. Клифф	17
Глава 2. Мишель	25
Глава 3. Клифф	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джули Оливия Осень в Вермонте

Julie Olivia

IF IT MAKES YOU HAPPY

Copyright © by Julie Olivia, 2025

The moral rights of the author have been asserted.

Перевод с английского *Юлии Бугровой*

Иллюстрация на переплете *Анны Красновой (anionco)*

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

От автора

«Осень в Вермонте» – это абсолютно **самостоятельный** роман о любви, действие которого происходит осенью 1997 года.

Эта книга – мое любовное послание осенним месяцам и концу 90-х годов. В ней есть уютные праздники урожая, хрустящие листья, празднование Хеллоуина и пироги на День благодарения! Будьте готовы к клише ромкомов 90-х. Я не смогла удержаться.

Обращаю ваше внимание на то, что это **роман для взрослых**, то есть в нем присутствуют **откровенные** сцены сексуального характера. Кроме того, эта любовная история – **слюберн**. Налейте кофе и приготовьтесь к долгому путешествию.

Хотя книга полна веселой ностальгии и осеннего настроения, я также хочу сделать следующие **предупреждения о содержании**.

В романе упоминаются:

- смерть родителя от сердечного приступа (происходит вне книги);
- скорбь о потере любимого человека;
- отказ родителя от детей;
- развод;
- измена (происходит вне книги; не главные герои); а также содержатся:
- детально описанные сцены секса;
- нецензурная лексика.

Читая этот роман, берегите свое сердце, друзья.

А теперь берите плед, зажигайте ароматную свечку и возвращайтесь в осень 1997 года!

С любовью, Джули О.

Посвящается мне.

Шестилетней Джули, которая опозорилась на шоу талантов с песней «Spice Up Your Life».

Никто об этом не помнит. Надеюсь.

Плейлист

1. «One Headlight» – The Wallflowers
2. «There She Goes» – Sixpence None The Richer
3. «No Rain» – Blind Melon
4. «Dreams» – The Cranberries
5. «Real World» – Matchbox Twenty
6. «Say You'll Be There» – Spice Girls
7. «Black» – Pearl Jam
8. «I Want You» – Savage Garden
9. «I Put A Spell On You» – Nina Simone
10. «Sex & Candy» – Marcy Playground
11. «Lovefool» – The Cardigans
12. «Linger» – The Cranberries
13. «You Gotta Be» – Des'ree
14. «Come As You Are» – Nirvana
15. «You Were Meant For Me» – Jewel
16. «Save Tonight» – Eagle-Eye Cherry
17. «Drive» – Incubus
18. «Head Over Feet» – Alan's Morissette
19. «Uptown Girl» – Billy Joel
20. «If It Makes You Happy» – Sheryl Crow

Пролог. Мишель

Июль 1997

Я подготовилась к сегодняшнему дню как смогла – нашла простое черное платье, купила цветы, встретила священника, – но сообщать родным о своем разводе на похоронах матери не входило в мои планы.

– Я уйду через пять минут, – шепчет мне на ухо Аллен.

– Знаю.

– Если ты им не скажешь, это сделаю я.

Я стискиваю зубы.

– Знаю.

Аллен ведь не может пропустить рейс. Да, бывший супруг мог бы забронировать билет на завтра, после похорон, но если юридически вас больше ничего не связывает, то, наверное, незачем отдавать долг памяти бывшей теще.

Я провожу пальцами по цепочке на шее, наблюдая, как длинная очередь прощающихся движется по часовне, и вынуждаю себя улыбнуться тем, кого не узнаю.

Делаю резкий вдох и стараюсь выровнять сердечный ритм.

– Нельзя делать это сегодня.

Аллен отводит взгляд. Его губы кривятся.

– Да, но мы *обязаны* вместе сказать им. Сегодня – наш единственный шанс. Так будет правильно.

Будет правильно.

Два месяца назад нам домой позвонила женщина – судя по голосу, гораздо моложе и энергичнее меня – и призналась, что изначально не подозревала о том, что у Аллена есть жена. Тогда она тоже сказала, что сообщить правду «будет правильно».

Я не указываю ему на двойную мораль. Какой смысл спорить, если мне все равно не победить?

Мы давно должны были сообщить моим родным о том, что разводимся. Его семья узнала об этом еще несколько недель назад. Но когда здоровье мамы внезапно ухудшилось, все время казалось, что момент неподходящий. Я как раз заканчивала подписывать бракоразводные документы, когда позвонил папа с известием о том, что она умерла.

Аллен откашливается, одергивая безупречно сшитый пиджак. Другие на его месте нервно теребили бы пуговицы костюма, но Аллен не из тех, кто показывает слабость на людях. Идя в белом халате по больнице, он всегда держит лицо. И уж точно не уронит его на похоронах.

Многие из присутствующих – мамы знакомые еще с той поры, когда она работала медсестрой. Я также вижу кое-кого из своих коллег, но есть и немало незнакомых мне лиц. Эти люди сидят в мешковатой старомодной одежде, как будто они в спешке искали что-то подходящее. На пожилой женщине, расположившейся на последней скамье, – чулки сливового цвета. У мужчины рядом с ней – массивные очки в пол-лица по моде 1970-х годов.

– Кто эти люди? – шепчу я.

В ответ Аллен пожимает плечами.

В этот момент к гробу подходит другая семья – мужчина, женщина и две дочери. Они мне не знакомы. Мужчина обнимает худенькую девочку-подростка с длинными светлыми волосами и покрасневшим от слез лицом. Другая девочка, гораздо младше первой, сидит у отца на руках,

хватаясь за галстук. Женщина – как я полагаю, жена – держится на шаг позади. В руках у нее букет цветов.

Интересно, счастливы ли они? Мы с Алленом решили – *вместе, как партнеры*, – не спешить с расширением нашей семьи. У нас же карьеры и красивый таунхаус, который не выдержал бы каракулей на стенах. И пятен от пролитого молока на дорогом ковровом покрытии. Дети слишком хаотичные, а мы с Алленом... *нет*.

Мужчина опускает малышку на пол и забирает у жены букет, с высоты своего роста оглядывая людей, движущихся по небольшой часовне. Интересно, кого он высматривает? Тут он поворачивает голову в нашу сторону и встречается со мной взглядом.

Точнее, *цепляется*, подобно бегунку молнии, зацепившемуся за ткань, дергаясь в районе живота и вырывая нитки. Я не в силах отвести взгляд. И он тоже.

Незнакомец по-настоящему красив, в этом они с Алленом похожи. Четко очерченная свежесбрированная челюсть. Высокие скулы, прорезающие щеки. Мощная шея, широкие плечи, белая рубашка расстегнута на верхнюю пуговицу. Он выше других мужчин в очереди. Костюм подчеркивает атлетичную фигуру. Да, он, безусловно, очень красив.

Но в его внешности есть и другие привлекательные черты, которых нет у Аллена. В отличие от моего бывшего, который стрижется коротко, темно-каштановые волосы незнакомца средней длины. Они выглядят небрежно растрепанными, точно он постарался уложить их гелем, но слишком часто запускал в них руку из-за стресса. Переносица у него чуть искривлена. И хотя губы сжаты в тугую линию, у одной стороны рта виден небольшой залом. Это морщинка от смеха, которая не может исчезнуть даже на похоронах.

Густые ресницы опускаются, как будто он мысленно предлагает мне стул, чтобы я присоединилась к нему в нашем сакральном пространстве. Он расслабленно вытягивает ноги. Видно, что он никуда не торопится.

Я делаю прерывистый вдох. Откуда в нем такая естественность при виде незнакомца человека? Он лениво переводит глаза на Аллена, а затем снова смотрит на меня. Кажется, будто его взгляд проникает внутрь до самых печенок, точно он видит то, что я скрываю, как будто *знает* о разводе.

– П-с-с.

От голоса сестры сердце чуть не выскакивает из груди. Сара выглядывает из боковой двери за нашими спинами.

– Шелли, иди сюда.

Аллен закатывает глаза, когда Сара начинает тянуть меня во внутреннюю комнату. Я пытаюсь еще раз украдкой взглянуть на незнакомца мужчину, но дверь закрывается прямо у меня перед носом, перекрывая обзор.

В иных обстоятельствах помещение призвано служить комнатой невесты. В углу стоит овальное зеркало в полный рост. Мягкие кресла из красного дерева окружают небольшой столик в углу. Пять лет назад там сидели три мои подружки – Сара, сестра Аллена и моя бывшая соседка по общежитию в колледже. Уже не помню, когда мы с ней разговаривали в последний раз.

– Ты должна поговорить с папой, – выпаливает Сара.

– Хорошо, – киваю я, моргнув.

– Я пыталась, но...

– Все в порядке, – перебиваю сестру. – Не волнуйся.

Уголок ее блестящих розовых губ приподнимается, но улыбка не доходит до глаз.

– Спасибо. Не знаю, как ты умеешь оставаться такой, – она указывает на мою прямую спину, – собранной. У тебя всегда такой вид, будто все под контролем.

У моей младшей сестры характер гораздо мягче. Она миниатюрная блондинка, чей платиновый оттенок – женщины платят большие деньги, чтобы добиться чего-то похожего на

своих волосах, – полная противоположность моему и папиному каштановому. От мамы я получила зеленый цвет радужки, а Саре достался папин голубой, и сейчас в ее глазах поблескивают слезы, готовые вот-вот пролиться. У сестры хватает эмоций на нас обеих, и мне это в ней очень нравится.

– Как ты? – спрашиваю я.

– Хорошо. – Сара тянется рукой и гладит меня по волосам. – Ненавижу черный цвет. *Ты* что как? Аллен ведет себя странно. Но, наверное, он всегда такой.

Я неопределенно хмыкаю в ответ, ощущая тяжесть в груди.

– Много народу, да? – вздыхает Сара.

Из-за всех переживаний она перебегает с одной мысли на другую, поэтому я пытаюсь успокоить ее небрежным вопросом:

– Ты пригласила друзей из колледжа?

– Чтобы тебя хватил удар при виде моей художественной банды? – хохочет она, и мы обе замираем. Глаза сестры мгновенно расширяются, а я сжимаю губы. – Это было...

– Непреднамеренно, – заканчиваю за нее, пытаюсь улыбнуться. – Все в порядке, Сара.

Она быстро кивает, хмуря брови.

– Э-э, в любом случае... Я думаю, это люди из Коппер-Ран. Ты же знаешь, мама принимала активное участие в жизни города.

– Я знаю.

Год назад родители, выйдя на пенсию, переехали в маленький городок в Вермонте, где открыли мини-гостиницу. Технически она принадлежала им обоим, но на самом деле это было мамино детище, в которое она вложила всю душу. Поэтому вполне логично, что жители Коппер-Ран приехали проводить маму в последний путь. Она была из тех людей, к которым можно проникнуться уважением и любовью всего за год. Я же могу два года жить с человеком в одной комнате, и мы все равно останемся чужими. Может быть, именно в этом кроется проблема моего брака.

– Они проделали весь путь до Сиэтла? – спрашиваю я. – Пересекли всю страну? *Всем* городом?

– Ну ты и язва, – улыбается Сара. – Они хорошие люди.

– Безответственные, – замечаю с небольшой усмешкой, которая исчезает так же быстро, как появилась.

Я дергаю мочку уха, касаясь маленькой жемчужной сережки.

– Где папа?

Сара поднимает большой палец, покусывая ноготь.

– В дальнем углу.

– Эй, – говорю я, быстро одергивая ее руку. – Все в порядке. *Я* в порядке. И *ты* будешь в порядке.

Сара кивает – сначала медленно, затем быстрее, а после порывисто притягивает меня к себе. Я обнимаю ее до тех пор, пока она сама не разжимает руки. Поглаживая сестру по плечу, заверяю:

– Я быстро.

Папа понуро сидит у большого окна и смотрит вдаль. Собор, при котором имеется часовня, расположен на углу квартала, прямо на перекрестке, где автомобили гудят не переставая, а зеленый свет светофора означает, что следовало ускориться еще пять секунд назад.

Он кладет руку на спину Рокета и рассеянно гладит пса по пушистой черно-белой шерсти.

Чуть потерпев, бордер-колли уворачивается от поглаживаний и начинает трусить к противоположной стене, бросая на меня взгляд, в котором читается: «*Видела? Я его утешил. Довольна?*» – и там подчеркнуто шумно опускается на пол.

Сегодня Аллен должен был найти для него собачью няню. Конечно, он не стал с этим заморачиваться. Он также не стал заморачиваться с тем, чтобы предупредить меня заранее, что я унаследовала его пса в результате развода, потому что он не может вывезти Рокета из страны.

Рокет меня не слушается. С большой неохотой дает себя гладить. Но что мне оставалось делать? Вариантов было всего два: либо собака остается со мной, либо отправляется в «Общество защиты животных». От такой перспективы этот привереда пришел бы в ужас, а я не настолько бессердечная. Строго говоря, Рокету не место в часовне, но он никому не мешает, пусть даже относится ко мне весьма прохладно.

Папина рука безжизненно повисает в том месте, где еще мгновение назад стоял пес. Я наклоняюсь и заключаю его ладонь в свою.

– А, Шеллс! – слабо улыбаясь, шепчет он.

– Как ты?

– Нормально. – Мешки под глазами говорят об обратном. – А ты?

– Тоже в порядке.

Он высвобождает руку из моих ладоней и тянется к кулону у меня на шее.

– Это мамин, да? – Папа проводит пальцем по тонкой цепочке, которая повторяет изгибы ключицы. – Ты слишком похудела.

– Я в порядке.

– У нее был дар выбирать красивые вещи, – задумчиво говорит он скорее себе, чем мне. – Цепочка с кулоном. Простыни в гостинице. И, знаешь, есть такие салфетки, которые она очень любит. Небольшие, из льна с... – Его голос срывается.

– Папа...

Он сжимает руки и смотрит на закрытую дверь комнаты, по другую сторону которой толпятся прощающиеся.

– Кто там?

– Похоже, весь городок Коппер-Ран.

– О, – на губах отца появляется легкая улыбка. – Там живут замечательные люди.

– Я слышала.

– Как Аллен справляется? – спрашивает папа.

Я невольно сжимаю челюсти.

– Он в порядке.

– Сегодня ты на все отвечаешь «в порядке»?

У меня вырывается смешок.

– Да.

Краем глаза замечаю, как Рокет пристально смотрит на меня своими грустными собачьими глазками. Я сжимаю кулаки. Не только тот странный мужчина в часовне, но даже пес знает, что я должна рассказать о разводе.

Но как сказать об этом папе и Саре? *«Э-э, тут такое дело: ваша дочь/сестра-трудоголичка, которой под тридцать, не смогла сохранить брак».*

Аллену сорок два, его новой женщине столько, сколько было мне на момент нашего знакомства, и он переезжает за границу, где будет работать врачом.

Сара придет в отчаяние, но я не хочу, чтобы меня жалели. Раз Аллен больше не хочет меня, я не стану его удерживать. Это было разумное решение. Правильное решение. Но воздушных шаров и конфетти мне тоже не нужно.

– Как же я туда вернусь? – шепчет папа.

– Куда?

– В гостиницу, – поясняет он дрожащими губами. – Я понятия не имею, где у нее что лежит. Она занималась счетами, графиком... Боже, я не могу позвонить гостям. Сейчас самый напряженный сезон. Почти все номера забронированы. Я не могу... Не могу...

Я делаю глубокий вдох.

– Послушай, мы что-нибудь придумаем. Мы всегда находим решение.

– Ты всегда находишь решение. Сила духа у тебя от мамы.

– У Сары она тоже есть. Сила духа, помноженная на энергичность. Она отлично справится с гостиницей.

Отец несколько раз кивает, потирая виски.

– Ты права. Ты права. У нее все получится. Ты права.

Мы оба знаем, что Саре достались прекрасные мамины качества. Мягкость. Позитивность. Неиссякаемое желание творить. Именно такой человек должен взять на себя управление любимым маминым детищем, а не сухарь вроде меня. В любом случае мне это не нужно.

В декабре Сара наконец-то окончит учебу и примет на себя роль хозяйки, а до той поры папа уж как-нибудь продержится. Хотя сейчас по его виду не скажешь, что он способен что-либо контролировать.

Дверь со скрипом открывается, впуская тихий гул голосов, и я напрягаюсь при виде Аллена, который входит в комнату, прищелкивая каблуками оксфордов от Valentino. Рокет подбегает к нему, виляя хвостом. Аллен треплет пса по голове, а затем отталкивает от себя.

– Ты готова, Шелли?

Может, это из-за недосыпа, но в голове у меня туман.

Отец начинает приподниматься.

– Нам пора...

– Нет, – перебиваю я, кладя руку ему на плечо.

Мы с Алленом практичные люди. Рациональный ум – одна из его самых привлекательных черт. Да, он холодноват, но и я тоже, будем честны. Когда-то мы понимали и уважали друг друга. По крайней мере, до сегодняшнего дня. Сейчас его бестактная потребность сохранить приличия важнее, чем скорбь моей семьи.

Сара подходит ближе, нахмутив брови. В руках у нее букет.

– Это от какого-то мужчины с улицы.

Она протягивает цветы папе, но я забираю их – пусть у отца будет хоть на одну заботу меньше.

Сара попеременно смотрит то на Аллена, то на меня.

– Все в порядке?

Аллен нетерпеливо выдыхает.

«Пожалуйста, только не сегодня», – беззвучно говорю я ему.

Он качает головой.

– Шелл...

Я закрываю глаза.

– Дай мне секунду.

– Давай не будем усложнять, – тянет он.

– Что происходит? – спрашивает папа.

– Ничего, пап. Мы просто...

И тут Аллен объявляет:

– Мы разводимся.

Слова отскакивают от стен и низкого потолка.

Глаза моего бывшего расширяются, как и мои. Думаю, он не ожидал, что это прозвучит так громко, а я не ожидала, что так бесцеремонно.

– Завтра меня здесь не будет, – продолжает Аллен, поправляя лацканы. – Я прямо отсюда еду в аэропорт.

Пульс бьется в шее, руках и ногах. На ладони порез от шипа.

– Мне жаль, что вы узнали об этом таким образом, – говорит Аллен в наступившей тишине, глядя на часы. – Мне пора. Я очень сожалею о вашей утрате.

Он произносит это так, будто в течение последних пяти лет не был частью нашей семьи.

Аллен с небрежным видом направляется к выходу. Рокет пытается последовать за ним, но тот качает головой.

Кровь закипает, поднимаясь к груди и щекам, точно лава. Тело печет от жара. Что я чувствую – грусть, страх или злость? Трудно сказать. К сожалению, когда вопрос звучит как «бей или беги», моим инстинктивным порывом будет дать бой. И я этим не горжусь.

Я следую за бывшим мужем и выхожу из боковой комнаты обратно в часовню, наполненную гулом тихих разговоров. Прохладный воздух из открытой двери обдувает мои волосы, в руках шуршит бумага, в которую обернут букет.

– Нам следовало подождать, – резко говорю я.

Аллен поворачивается, оглядывается по сторонам и подходит ближе.

– Нет, мы должны были сказать им раньше, – бормочет он себе под нос.

– Когда именно? – скрежещу зубами, распаляясь от гнева. Я говорю все громче, заставляя Аллена нервничать. *Отлично. Пусть тебе станет неловко.* – В больнице, после сердечного приступа? Перед шунтированием? Или в приемной, когда твой коллега сказал нам, что операция не удалась?

Блондинистые волосы Аллена, утром уложенные гелем, теперь растрепаны. На висках видны седеющие пряди. Он с шумом втягивает воздух, пытаясь откинуть волосы назад.

– Следовало сказать в тот же день, когда мы приняли решение. Видишь ли, в этом и заключается твоя проблема, Шелли...

– У меня нет никакой проблемы.

– Мне следовало предвидеть, что ты будешь скрывать это от них как можно дольше. Ты никому ничего не рассказываешь. Ни мне. Ни своей семье. Ты держишь все эмоции в себе, а потом они взрываются. Ну, поздравляю. Вот твой взрыв.

Я быстро моргаю и выпрямляюсь, сжимая кулаки.

– Я не...

Он наклоняется ко мне и шипит:

– Почему, по-твоему, мне пришлось искать *тебя*, рядом с которой я чувствую себя партнером?

Я откидываю голову назад так резко, что может показаться, будто кто-то дернул меня за волосы.

– Что ты только что сказал? – чуть слышно шепчу я.

– Ты такая напряженная. С тобой совсем не весело. – Теперь он считает мои недостатки, загибая пальцы. – Тебе нужно все контролировать. Ты когда-нибудь думала, что мне не нужно этого напряжения? Ты когда-нибудь думала, что *никому* это не нужно? Ты предъявляешь к другим очень завышенные требования. Боже, ты даже не смогла простить свою маму за...

Хлопок!

Сначала я думаю, что это звук моего разбившегося сердца. Потом понимаю, что это моя ладонь отвесила пощечину Аллену.

Я задыхаюсь. Мне нечем дышать.

Аллен моргает, глядя на меня, а тем временем на его скуле медленно проступает розовый отпечаток руки.

Оцепенев от неожиданности, он выдыхает:

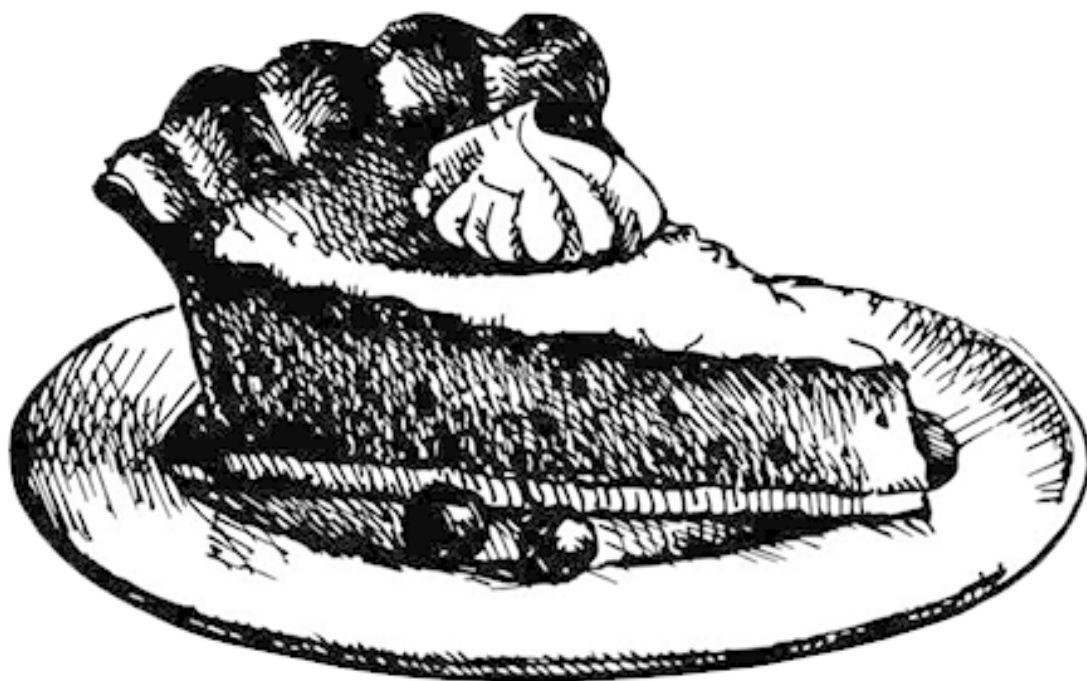
– Ты заслуживаешь одиночества.

Эти слова – окончательные и бесповоротные – звенят у меня в ушах.

Я устремляюсь к выходу и выбегаю из часовни. Ветер развеивает волосы. Капля пота стекает по пояснице. Шипы цветов впиваются в кожу. Листья падают с деревьев.

Сигналят машины. Громко играет музыка.
Он прав.
Я киплю от гнева, и вот мой взрыв.
Мой мир вышел из-под контроля.
Все вышло из-под моего контроля.

Сентябрь 1997

Глава 1. Клифф

У меня есть плохая привычка гипнотизировать взглядом телефон. Скрестив руки. Уперев язык в щеку. Постукивая ногой. Может, я зря на него давлую, но вот только, когда нужно, он никогда не звонит, так кто же в этом случае настоящая жертва?

– Утром точно не было сообщений для меня? – наклонившись над прилавком пекарни, обращаюсь к сестре, которая, в свою очередь, сверлит взглядом картину с капкейком в рамочке. – Кэрол?

– Выглядит не ахти, – замечает она.

– Картина?

– Ага. Выглядит не ахти.

– Все с ней отлично. – Я распахиваю створку двери и выхожу в покрытый линолеумом вестибюль, вытирая руки о фартук. – Классная картина.

Честно говоря, я не вижу разницы между этой и той, которую она выбрала в прошлый раз, но Кэрол лучше не давать поводов для сомнений.

Она уже несколько недель обновляет интерьер пекарни. Зеленые стены сначала стали розовыми, потом желтыми. Вместо железных стульев появились деревянные – сначала темные, затем светлые. Витрины пока стоят нетронутыми, но через неделю она точно до них доберется. На мой взгляд, нашему заведению не помешали бы неоновые вывески с рекламой пива, но именно поэтому за антураж отвечает сестра, а не я. Моя работа – печь.

В «Пекарне Берка» она – мозг, а я – руки.

Кэрол переводит взгляд на панорамные окна. За ними на табурете сидит местный художник Уинстон и вносит последние штрихи в сезонный витринный узор, изображающий осенние листья, пугал, тыквы и яблоки. Я попросил его добавить пирог, но он сказал, что не умеет рисовать пироги, поэтому будут только яблоки.

Кэрол с тоской вздыхает.

– У меня так не получится.

– Само собой, не получится. Потому-то мы наняли Уинстона. И картина *замечательная*. Я смотрю на телефон на прилавке. Вроде бы был звонок. Или показалось.

– Не тот эффект.

Кэрол срывает картину со стены, кладет ее на пол и быстрым шагом выходит на улицу.

Я следую за ней, оставляя дверь приоткрытой на случай, если зазвонит телефон.

Поднимается ветерок. Сую руки в карманы джинсов. Пока в Коппер-Ран стоит тепло – холода еще впереди. Сейчас начало сентября, и листва начала менять летний зеленый окрас на насыщенный каштановый и блестящий золотистый. Это первый по-настоящему ветреный день, и листья вихряются вокруг моих ног.

– Что скажешь? – обращается ко мне Уинстон, указывая зависшей в воздухе кистью на оконную роспись.

– Потрясающе. Твоя лучшая работа.

– У Кэрол напряженный вид.

– Это она расстроилась из-за того, что не обладает таким талантом, как у тебя.

– Всем хочется иметь такой талант, как у меня, – довольно фыркает Уинстон.

Я похлопываю его по спине, проходя мимо.

– Молодец, что не задираешь нос, друг.

Он салютует в ответ.

Я следую за Кэрол через улицу к городской площади. Она достает из заднего кармана пачку сигарет. Я вскидываю брови.

– Заткнись, Клиффорд. Брошу завтра.

Поднимаю руки в знак капитуляции.

– Молчу-молчу.

Кэрол щелкает зажигалкой, делает затяжку, а затем выпускает дым через уголок рта.

– Я законченный невротик, – сокрушается она.

Если бы люди были выпечкой, Кэрол была бы канноли. Даже трижды идеальная трубочка крошится от одного укуса, и остается только липкая серединка. Так и Кэрол всегда на грани того, чтобы расклеиться.

Я вздыхаю и кладу руку ей на плечо.

– Ты не невротик.

– У меня вечно ничего не получается.

Сестра всегда была самокритичной, но в последнее время явно *перебарщивает* с этим. С тех пор как этим летом умерла Берди Кэделл, мы все на нервах, и каждый переживает утрату по-своему. Я передерживаю выпечку в духовке. Кэрол курит. Но, по крайней мере, отходит подальше от пекарни, чтобы внутри не пахло табаком.

Сестра взмахивает рукой, рассеивая дым.

– Ты когда-нибудь ощущал себя невротиком?

– Нет.

Она бросает на меня пристальный взгляд, и я улыбаюсь.

– Послушай, в нашем случае главное – чтобы круассаны были воздушными, а дверь открывалась в шесть. – Я мягко беру ее тонкие пальцы в свою мозолистую ладонь и пожимаю их. – Если с этим нет проблем, значит, мы все делаем правильно. Это *всего лишь* пекарня, Кэрол.

Она наклоняет голову набок.

– *Всего лишь* пекарня, – насмешливо повторяет сестра. – Ну ты и врунишка.

Она права. Конечно, это не просто старая пекарня, это *наша* пекарня – дело, в которое я погрузился с головой два года назад и которое почему-то процветает. «Пекарня Берка» – это и мое самое большое достижение, и одна из самых больших проблем. Моя любовь.

– Выбрось из головы этот капкейк, ладно? Ты отлично справляешься. Поверь мне.

Кэрол слабо улыбается. Я притягиваю ее к себе и обнимаю.

– Спасибо, – бормочет она.

– А теперь давай за дело.

– Ты мне не босс, – морщит нос сестра.

– Технически я твой босс, – хохочу я в ответ.

– Иногда я тебя ненавижу.

– До Эмили тебе далеко.

Кэрол фыркает.

– Прикалываешься? Эмили тебя *боготворит*.

– Точно. – Я щелкаю пальцами. – Забыл, что все *наоборот*. Дочь меня любит.

– Ты козел, – шипит Кэрол, с трудом сдерживая улыбку, и толкает меня в плечо. – Однажды она станет нормальным подростком и прозреет.

– Не сглазь.

– А может, она окажется проблемной, прямо как ее бедная тетушка, – размышляет Кэрол, делая еще одну затяжку. – О боже, какая же я проблемная.

Я забираю окурочек из ее пальцев и тушу его в пепельнице уличной урны.

– Я действительно тебя ненавижу, – прищуривается сестра. – На этот раз я серьезно.

– Не сомневаюсь.

Прислоняюсь к фонарному столбу и тотчас ощущаю дискомфорт, когда обвивающая его гирлянда из оранжевых лампочек впивается в спину. Площадь Коппер-Ран украсили к празднику урожая. Вдоль дорожек выстроились снопы сена, у белой беседки несет караул пугало, а

на небольшом пяточке в углу парка громоздятся тыквы. Что я буду выставять на своем корнере в этом году, еще предстоит решить. В прошлом году «Пекарня Берка» подчистую распродала строганные яблочные пироги.

Кэрол пинает опавшие листья на тротуаре и внезапно спрашивает:

– И что... злая королева звонила?

Я постукиваю кулаком по столбу и упираю язык в щеку.

– Это грубо.

– Так звонила или нет?

– Нет. И никаких сообщений для меня не было, да? – Я вопросительно смотрю на сестру.

– Не-а.

– Значит, нет, – киваю собственным мыслям. – Ничего не было.

– Это в порядке вещей.

– К сожалению.

Бывшая жена почти каждую неделю звонит из Нью-Йорка нашим дочерям, но нередко забывает это сделать. С воскресенья я уже дважды набирал ей, но оба раза попадал на автоответчик. С тех пор как Трейси уехала из Коппер-Ран, прошло два года, и я беспокоюсь о ней, но еще больше переживаю из-за ее отношений с девочками.

Если Кэрол – это канноли, то Трейси – рождественское полено. Печь его – сплошная мороза, и на столе оно бывает только в Рождество.

Кэрол ласково треплет меня по плечу. Я улыбаюсь без особого энтузиазма.

– Пойдем, – говорю я. – Перекур закончился.

– Поняла, *босс*.

– Я знал, что ты привыкнешь.

Мы как раз собираемся перейти улицу, как я замечаю, что по тротуару в сторону пекарни идут мои девочки. Бросаю взгляд на часы – может быть, отстают? – *но нет*. Уроки еще не закончились.

– Что за...

Ступаю на дорогу и вскидываю руку, делая знак цветочнице Сандре придержать свой фургон. Она шутливо сигналист, но, заметив обеспокоенное выражение на моем лице, перестает улыбаться.

– Извини, Клифф! – кричит она из окна.

Я поднимаю большой палец.

Когда догоняю прогульщиц, шестнадцатилетняя Эмили уже волочит рюкзак так, что брелочки звякают по бетону.

– Эмили, что случилось? – я перевожу взгляд с одной дочери на другую.

Она пожимает плечами.

– Я увидела Бриттани возле видеопроката.

– А отправить сестру *обратно* в школу ты не догадалась?

Присаживаюсь перед малышкой на колено, чтобы быть с ней на одном уровне.

– Она плакала, – объясняет Эмили.

– Как она вообще ушла незамеченной?

Дочь пожимает плечами.

– Может, на большой перемене? Не знаю.

Медовый цвет волос девочкам достался от матери, а в остальном они очень разные. У Эмили волосы прямые, как у меня, и длинные – ниспадают каскадом на тонкие наушники, висящие на шее, и достают до середины джинсовой куртки. Из-под полосатой укороченной футболки виднеется полоска голой кожи над джинсами. Я определенно говорил ей не одеваться так, но она с детства все делает наперекор, и мне это в ней нравится.

Шестилетняя Бриттани с кудрявым хвостиком, закрепленным неоновро-розовой резинкой, в белом комбинезончике и блестящих кроссовках – ее полная противоположность. Она не такая бунтарка, но во многом подражает сестре и потому тоже не испытывает проблем с уверенностью в себе.

Я ласково прикасаюсь к щеке дочки, проводя пальцем по дорожке слез.

– Бритт, что случилось?

– Люк сказал... – Малышка вытирает шмыгающий носик тыльной стороной ладошки. –

Он сказал, что Стив проиграет матч.

Я прищуриваюсь.

– Стив? Что за Стив?

– Стив, папа. – Она показывает пальчиком на свою футболку. Из-под верха комбинезона выглядывает лысый мужик в кожаном жилете.

– О. – Шутливо ударяю себя ладонью по лбу. – Точно, *Стив*.

Дочка хихикает сквозь слезы.

Я как-то совсем упустил из виду, что мы на «ты» с рестлером года. Кэрл подсадила ее на Стива Остина¹ – *пришло же в голову, ей-богу*, – и в рейтинге достойных восхищения мужчин моей шестилетней дочурки он поднимается все выше, опережая Backstreet Boys². Узнай об этом ее мать, она бы меня убила. Если бы хоть раз позвонила вовремя.

Я сжимаю плечико Бриттани.

– Да ладно, ты же *знаешь*, что он не проиграет.

– Но Люк говорит, что проиграет.

– А ты скажи этому сопляку Люку, что он ошибается и всегда будет ошибаться, и ему лучше к этому привыкнуть, поняла?

Дочка повторяет про себя мои слова, точно заучивает роль для спектакля.

– Только не прямо так, – поспешно добавляю я. – То, что сказано в пекарне или рядом с ней, остается в пекарне, хорошо?

– Но Берди мы все рассказывали.

Мы с Эмили переглядываемся.

– Верно, – говорю я медленно, снова поворачиваясь к Бриттани. – Но Берди была исключением. То, что сказано «В гостях у Берди», также остается «В гостях у Берди».

Берди Кэделл и ее славный тихий муж Пол управляли гостиницей последний год. Поскольку мы живем рядом, а Бриттани никогда не упустила бы возможности пробежаться по чужому двору, она быстро подружилась с Кэделлами. Берди присматривала за Бриттани после школы, а Эмили подбедала их запасы печенья. С тех пор как Берди не стало, девочки ведут себя до странного тихо.

– Я скучаю по ней, – шепчет Бриттани.

Эмили вся как-то съеживается.

– Эй, она теперь в лучшем месте, помнишь? – говорю я малышке, надеясь, что мои слова дойдут и до старшей дочери.

Бриттани медленно кивает, а я задаюсь вопросом, помнит ли она наш разговор о смерти, состоявшийся на похоронах Берди в Сиэтле. Летом мы пересекли страну с востока на запад, чтобы проводить ее в последний путь, но я понятия не имею, что именно дочка помнит о смерти. Мне точно известно лишь то, что она любит поднимать эту тему.

– Как думаешь, Сара будет веселой? – спрашивает Бриттани.

Я пожимаю плечами.

– Не знаю. Надеюсь.

¹ Стив Остин – американский рестлер, выступавший под псевдонимом Ледяная Глыба. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Backstreet Boys – американский бойз-бенд, сформировавшийся в 1993 году.

Когда мы позвонили Берди в больницу перед шунтированием, она упомянула, что управлением гостиницей займется ее дочь Сара. Я в шутку сказал, что для планов на случай ЧС еще слишком рано, но ей, вероятно, было известно что-то такое, чего не знал я. Могу только предположить, что Сара в конце концов появится, но пока от Пола нет ни звонков, ни писем, нам остается лишь гадать.

– Клифф! – Я поднимаю глаза: из дверей сэндвич-бара выглядывает его хозяйка Бетти. – Помощь нужна?

– Все в порядке, Бетс, – отмахиваюсь я.

Она переводит взгляд на Бриттани, потом снова на меня.

– Ты уверен?

Энергичнее машу рукой.

– Все хорошо, Бетс!

– Ну, дай знать, если что...

– Конечно!

Краска заливает лицо. Бетти – это только начало. Скоро из своих магазинчиков выглянут остальные. Жители Коппер-Ран горят желанием помочь. Черт, я сам обычно в первых рядах. Но обременять наших чутких соседей своими глупыми проблемами – это последнее, чего я хочу.

– Мне вернуться? – спрашивает Бриттани.

– Куда, в школу?

Она кивает. Я вздыхаю. Боже, с припухшими от слез глазками и сбитым дыханием, точно после марафона, дочка выглядит такой несчастной.

– Нет, – выдыхаю я. – Возвращаться в школу не нужно. Иди домой. Я испек печенье. – Шутливо дергаю малышку за хвостик. – Я позвоню в школу, а то еще подумают, что с тобой что-то случилось.

У нее загораются глаза.

– Правда?

– Правда.

Я похлопываю Бритт по спине, и она – точно переключили тумблер – с хохотом вытягивает руки в стороны и, подражая гулу самолетных турбин, берет курс на пекарню.

– Только одно печенье, ладно? – кричу я вдогонку, но она не слышит или делает вид.

Я щелкаю языком и перевожу взгляд на Эмили.

– Это был спектакль, да?

– А то, – закатывает глаза старшая дочь и снова надевает наушники, а я со стоном цепляю их пальцем и дергаю вниз.

– Разве ты не должна быть на работе? Лиза тебя убьет.

– Я все закончила, – отвечает она, пожимая плечами.

В рамках программы совмещения работы с учебой Эмили трудится в почтовом отделении на другой стороне площади, и это единственная причина, по которой она может отсутствовать в школе днем. Но пожилая почтмейстерша Лиза, добрейшая душа, считает, что, закончив работу, можно уходить. Обычно я бы не стал возражать, но я знаю свою дочь. Черт, я слишком хорошо знаю, каково быть *подростком* в Коппер-Ран.

– Ты сказала, что увидела Бриттани возле видеопроката. – Я прищуриваюсь. – А как *ты* оказалась в видеопрокате?

Эмили напрягается и пожимает плечами. Это телодвижение мне знакомо.

– Ходила посмотреть, что вышло на этой неделе.

Врет и не краснеет.

– Ты снова встречалась с тем парнем.

Дочь широко распахивает глаза.

– Нет!

Мои брови сходятся на переносице.

– Правда?

Она вскидывает подбородок.

– Правда.

– Значит, ты не ходила к Джеймсу...

– Джошу.

– Верно. Я так и сказал.

Эм прищуривается, копируя меня. Но я знаю, о чем она думает, и она знает, что я знаю.

– Ладно, – сдаётся дочка. – Я встречалась с Джошем.

– Ага...

– Но я подумала... раз у меня хорошие оценки... то почему бы не...

– Нет, – стону я, сжимая переносицу большим и указательным пальцами.

Эмили хлопает себя по бедрам.

– Ой, да ладно! Мы встречаемся уже две недели!

– Рановато ему пересекать порог моего дома.

– Можно подумать, ты какой-то король...

– Ты сама это сказала.

– Папа...

– Ты отправляешься в свою комнату, Эм.

– Мы даже не дома! – она указывает на тротуар.

– Я тебя туда доставлю.

Поток возражений прекращается – она покусывает нижнюю губу, сдерживая смех.

– Выстрелом из пушки?

– Из пушки, – подтверждаю я с улыбкой.

Эмили скрещивает руки на груди.

– Ты мне не босс.

– В этом я с тобой солидарна, – фыркает Кэрол.

– А *тебя*, тетушка, не спрашивают, – отрезает девчонка.

Сестра поднимает обе руки в знак капитуляции.

Когда Трейси уехала, Кэрол пыталась оказывать поддержку, но тогда оказалась лишь еще одной авторитарной женской фигурой, в которой Эмили не нуждалась. Сейчас это уже шутка, от которой дочь не хочет отказываться.

Я снова поворачиваюсь к ней.

– Я определенно *буду* твоим боссом, пока тебе не исполнится восемнадцать. И, помнится, когда в последний раз ты задувала свечи, тебе стукнуло шестнадцать. А Джеймс...

– Джош.

– Уже вышел из школьного возраста. Сколько ему, тридцатник?

– Он окончил школу в мае! – стонет Эмили. – Ему всего семнадцать! Если ты позволишь ему прийти...

– Чтобы что? Сразиться в монополию?

– Он, наверное, отлично обращается с деньгами.

– Потому что откладывает на пенсию, да?

Эмили запрокидывает голову и издает театральный стон.

– Он не *настолько* старый!

– Я снова на перекур, – объявляет Кэрол, доставая из переднего кармана пачку.

– Можно мне одну? – кричит ей Эмили.

Я наклоняю голову набок.

– Тебя в школе ничему не научили?

Дочь пожимает плечами.

– Вообще-то там курение считается крутым.

Я не могу сдержать улыбку и качаю головой.

– Ты совсем соплячка. Это *не* круто. Как это может быть круто, если Кэрол курит?

– Я стою прямо здесь, – ворчит Кэрол.

– Твоя тетя – взрослый человек, – продолжаю я. – Она вправе принимать ужасные, разрушающие жизнь решения.

– Когда я буду вправе принимать ужасные решения? – интересуется Эмили.

– Когда тебе стукнет полтинник.

– Вау, может, к тому времени я стану настолько взрослой, что смогу и с Джошем встречаться, – не скрывая сарказма, замечает она.

– К тому времени этот старый пердун уже откинет копыта, – ухмыляюсь я.

Эмили надевает наушники, пряча улыбку.

– Сегодня я приготовлю твое самое нелюбимое блюдо, – сообщает она. – Самое ненавистное.

– Не могу дождаться, малышка.

Я поднимаю руку, чтобы дать пять. Эмили не может удержаться от искушения, хлопает по ней, затем достает из кармана джинсовой куртки CD-плеер, включает музыку и, миновав площадь, удаляется по тротуару в сторону дома.

Я смотрю на Кэрол и струюку дыма, поднимающуюся у нее между пальцами.

– Ее помада была смазана, – говорит сестра.

– Так и есть, – подключается Бетти, кивая со знающим видом. Она успела выйти из сэндвич-бара и теперь подметает щеткой несуществующий мусор.

Ей любопытно.

– Я тоже заметила. – Долли, живущая через три дома, опрокидывает пустую лейку на сухие цветы.

Сидящий на табурете Уинстон смеется.

– Ты влип.

В этом городке разговор с глазу на глаз – неосуществимая задача.

– Да, я в курсе, что помада была смазана, – сообщаю всем сразу.

Воспитывать девочку-подростка нелегко. Можно подумать, существуют курсы, на которых научат, как выбирать тампоны, или сказать: «Нет, тебе нельзя прогуливать уроки, чтобы увидеться со своим парнем. И хватит спрашивать». Эмили утверждает, что мама рассказала ей *о пестиках и тычинках*. Что-то я сомневаюсь, потому что знаю, что Трейси любит сложные разговоры еще меньше, чем я, а это значит, что мне, вероятно, придется поговорить с Эм на эту тему в ближайшее время. Добавлю это в список дел, вместе с напоминанием Бриттани о том, чтобы не устраивала истерик из-за споров о победе взрослого мужика на ринге.

Воспитание – непрерывный процесс. Всегда происходит что-то новое, и каждый раз я надеюсь, что проблемы распределятся по неделям или годам. Но порой они наваливаются скопом.

Кэрол пересекает улицу. Я следую за ней, попутно выхватывая из ее руки сигарету и туша ее в пепельнице урны.

Сестра смотрит на тлеющий окурок, а затем произносит:

– Спасибо.

– Не за что.

Из пекарни слышится звонок. Я скрещиваю пальцы за головой и захожу внутрь.

– Хоть бы это была Трейс, – бормочу я.

– Размечтался, – ворчит Кэрол.

– Передавай ей привет! – кричит Бетти.

Я небрежно вскидываю большой палец: «Принято».

Обойдя прилавок, делаю глубокий вдох и беру трубку.

– «Пекарня Берка».

Я ожидаю услышать виноватый голос бывшей жены. Вместо этого на меня обрушивается бас:

– Привет, Клифф! Как дела?

Я выдыхаю весь задержанный воздух.

– О, привет, Джордж. Что тебе сегодня?

Беру ручку, лежащую за шнуром телефона, и записываю в блокнот обычный заказ Джорджа на кейтеринг. Но чем больше он говорит, тем яснее я осознаю, что Трейси до сих пор не позвонила.

Снова.

Семейство Берк держится вместе благодаря изоленке, клею и старым деревянным стенам этой пекарни. Мы держимся, и я полагаю, что о большем просить не стоит. Но бывшая супруга точно сведет меня в могилу раньше времени. И, может быть, в раю я смогу потусить с Берди.

Желтоватый отблеск отражается в панорамных окнах пекарни. Я поднимаю глаза: мимо проезжает *такси*. Даже не помню, когда в последний раз видел такси, грохочущее по мостовой Коппер-Ран.

Наклонившись над прилавком, я вглядываюсь в заднее окно машины, а Джордж продолжает бубнить мне на ухо. В машине неподвижно сидящий бордер-колли наблюдает за проплывающими мимо зданиями городской площади. А рядом с ним, склонившись над картой, сидит красивая женщина, которую я уже видел.

Глава 2. Мишель

Уезжая из Сизтла, я хотела просто исчезнуть. К счастью, Коппер-Ран находится в глухомани, в штате Вермонт.

Уже два часа я еду из аэропорта в вонючем такси. Водитель, курящий одну сигарету за другой, смотрит в зеркало заднего вида. Он делает это каждые пять минут с тех пор, как забрал нас. Его взгляд прикован к Рокету. Пол машины завален обертками от фастфуда и липкими дисками, а его беспокоит хорошо воспитанная собака, мирно сидящая на заднем сиденье.

– За дворнягу дополнительная плата, – сообщил он, пока бросал мои чемоданы в багажник.

Клянусь, Рокет что-то буркнул себе под нос в ответ на этот оскорбительный выпад, если допустить мысль, что собаки способны на такие эмоции.

– Знаю, – сказала я, поглядывая на подголовник водителя, где чудом держащийся бейдж сообщал, что его зовут Луис.

Я сунула ему стопку наличных, которая превышала стоимость по счетчику как минимум долларов на сто, включая обратную дорогу в аэропорт. Он пересчитал купюры большим пальцем, а затем без лишних слов сунул их в карман.

И вот, два часа спустя, за окном появляются деревья, окрашенные в оранжевые и бордовые цвета. В Сизтле растительности мало – ее заслоняют здания. А здесь, куда ни глянь, листва и изгороди. И ни одного небоскреба в поле зрения.

Рокет смотрит в треснутое окно, легкий ветерок поигрывает с его шерстью. Он не высовывает голову, это было бы недостойным поведением. Он просто наблюдает.

Когда машина с грохотом переезжает старые железнодорожные пути, пес переводит взгляд на меня, как будто спрашивая: *«Ты это серьезно, Шелли?»*

Он со вздохом переступает лапами на сиденье. Я могла бы его погладить, но не делаю этого. Все равно ему не понравится. Ненависть к прикосновениям – единственное, что нас объединяет.

– Это оно? – рычит Луис с водительского места.

Я наклоняюсь над центральной консолью, наблюдая за тем, как холмы, окрашенные в золотистые и красные цвета осени, медленно расступаются, открывая взору белый решетчатый знак.

«Добро пожаловать в Коппер-Ран!»

– Да.

За знаком виднеется крытый красный мост, ведущий к городской площади.

– Боже ж ты мой, тут прямо как в сериале «Счастливые дни»³, – говорит Луис, вглядываясь в лобовое стекло.

Причудливый парк, окруженный магазинчиками, украшен соломенными тюками и тыквами. Между фонарными столбами висят оранжево-белые флажки. Белая беседка, расположенная прямо в центре, увешана оранжевыми лампочками и гирляндой из осенних листьев. Внутри на скамейке сидят два чучела.

Вдоль тротуаров выстроились доски, на которых написаны предложения дня. Деревянные вывески, укрепленные на навесах, возвещают о местонахождении аптеки, видеопроката и пекарни. Большинство панорамных окон украшено росписями, изображающими чучела и тыквы. Еще одна вывеска рядом с парком напоминает о том, что местечко называется Коппер-Ран, как будто мы уже могли забыть об этом.

³ «Счастливые дни» – американский комедийный сериал, выходивший на ABC с 1974 по 1984 год.

– Что будете делать здесь? – спрашивает Луис.

– Управлять мини-гостиницей.

Фраза, которую я не подумала бы произнести месяц назад.

– Кроме шуток? – хохочет он.

– Кроме шуток, – повторяю я.

Разворачиваю карту и провожу пальцем по дорогам, выделенным желтым и синим цветом. На карте этот городок – крошечное пятнышко. Уверена, здесь всего два светофора и скорее всего мы уже проехали оба.

– Тут налево, – говорю я.

Площадь сменяется длинными тротуарами, вдоль которых стоят двухэтажные дома с башенками и верандами. Листья сбиваются в кучи на земле. В одних дворах они убраны, в других – нет. Группа детей проносится мимо на велосипедах. Мимо качелей на дереве ковыляет малыш. Женщина снимает его на видеокамеру. На противоположной стороне улицы пожилая пара идет, держась за руки.

– Миленькое местечко, а? – размышляет Луис.

Я снова смотрю на карту.

– Дальше поверните направо.

Складываю карту, но, когда сгибы не совпадают, просто бросаю ее в сумку. У меня дрожат руки, и я точно знаю почему.

Беспокойство достигает пика, когда я узнаю большой белый дом в конце улицы. На белом столбе на двух цепочках висит деревянная вывеска, на которой курсивом выведено: «В гостях у Берди». Двухэтажная постройка в колониальном стиле выглядит безупречно. Белый штакетник ограждает мощеную дорожку, ведущую к кольцевой веранде, – на ней два стула и подвесная скамейка, покачивающаяся на ветру. С одной стороны выступает эркер, и сквозь стекло я вижу банкетку и кружевные занавески. Вдоль подъездных аллей между гостиницей и соседним домом растут идеальные кусты роз.

Я настолько погрузилась в собственные мысли, что почти забыла сказать, что мы приехали.

Луис резко тормозит, и я вытягиваю руку, не давая Рокету выскочить из машины.

В его прищуренных карих глазах явственно читается: «*Я ненавижу все это*».

– Да, да, – бормочу я.

Когда машина полностью останавливается, достаю поводок из сумки и прикрепляю к ошейнику. Мы с Рокетом выбираемся из машины.

Свежий воздух – настоящий подарок после провонявшего такси. Коппер-Ран пахнет сухими листьями и осенним ветром. Еще витает аромат какой-то теплой выпечки – может быть, пирога или печенья. Из открытого окна соседнего дома доносится композиция Mazzy Star⁴.

Луис открывает багажник и без церемоний бросает два чемодана на тротуар. Мы даже не прощаемся. Только когда он уезжает, я осознаю всю тяжесть своего решения.

Черт.

Рокет смотрит на меня.

Я поднимаю брови.

– Все в порядке.

Делаю шаг и распахиваю калитку в белом штакетнике. Рокет нехотя обегает меня и трусит вперед. Мы движемся по каменистой дорожке, хрустя свежесопавшими листьями. Чемоданы,

⁴ Mazzy Star – американская альтернативная рок-группа, образованная в 1988 году в Санта-Монике, штат Калифорния. Коллектив прославился своим фирменным меланхоличным звучанием в стиле дрим-поп, объединяющим элементы психоделического рока, фолка и блюза.

которые я качу, издают *туки-туки* звук и умолкают, только когда я подхватываю их, чтобы поднять по скрипучим ступенькам.

На крыльце выуживаю из кармана ключи, которые папа вручил мне перед отъездом.

Перебирая их, он нервно повторял:

– Этот от входной двери. Этот – от кухонной, но его нужно чуточку дожать. Этот – от погреба, но не перепутай его с чердачным – они выглядят одинаково...

Я сказала, чтобы он не беспокоился, что я разберусь.

Наконец нахожу ключ от входной двери, поворачиваю замок и толкаю витражную дверь.

Нас обдает спертым воздухом. Интересно, сколько времени дом пустовал? Наверное, папа запер его после того, как побывал у мамы в больнице два месяца назад.

Рокет осторожно входит, пригнувшись.

– Видишь что-нибудь? – шепчу я.

Он отводит уши назад, как бы говоря: *«Не торопи меня»*.

Я поднимаю ладони.

– Ладно, ладно.

Переступаю порог и включаю свет. Вестибюль освещается люстрой. Слева находится стойка регистрации с деревянными ячейками. Один лестничный пролет ведет на пустую площадку, другой поворачивает на второй этаж. Ковровая дорожка, минуя стойку регистрации, указывает путь к гостиной с эркерным окном. Гардины раздвинуты, поэтому в помещение проникает солнечный свет. За стеклянными дверцами в большом буфете выставлены декоративные фарфоровые тарелки и чашки. Лежащий в центре цветочный ковер заправлен под бежевую мебель с оборками в пол и мягкими подлокотниками.

С этим можно работать. Я рекламировала гораздо менее привлекательные вещи.

Пройдя по небольшому коридору, открываю дверь с надписью: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА». За ней располагается вместительная кухня. На столе сложены бежевые полотенца, украшенные виноградными лозами. Над окном, выходящим во двор, висят темно-фиолетовые занавески. Пустая кофеварка подключена к розетке.

Подхожу к задней двери и открываю ее. Еще одна каменная дорожка проходит через небольшой сад и заканчивается у белой изгороди, отделяющей газон от гравийной парковки. На ней вполне поместятся четыре машины. Под деревом, растущим вдалеке от дома, стоит мамина серебристая «Хонда». Ее капот покрыт тонким слоем скрученных коричневых листьев.

Рокет дергает поводок. Я отстегиваю его, и пес совершает пробежку по огороженной территории.

Я не тороплюсь следовать за ним и сначала решаю пойти направо по узкому коридору. В конце находится закрытая дверь с вышитой крестиком надписью «Милый дом». Я осторожно поворачиваю ручку, и дверь со скрипом открывается. У стены стоит большая двуспальная кровать, накрытая стеганым одеялом. На комод в углу – небольшой телевизор со встроенным видеоплеером. На боковом столике лежит беспроводной телефон, рядом с ним стопочка книг из серии «Куриный бульон для души», а сверху – крошечная фарфоровая фигурка из коллекции «Драгоценные моменты»⁵.

Я вдыхаю. Выдыхаю. Но сколько ни стараюсь, избавиться от тяжести в груди не получается.

«Я хочу быть здесь», – напоминаю я себе.

Сажусь на край кровати и сжимаю ладони в кулаки.

Я сама выбрала это.

⁵ Коллекция «Драгоценные моменты» – всемирно известная серия фарфоровых статуэток и коллекционных кукол, созданная по эскизам американского иллюстратора Сэма Дж. Батчера. Ее главная особенность – трогательные фигурки детей и ангелочков с характерными каплевидными глазами.

– Ты вообще не обязана это делать, – говорила Сара перед моим отъездом, прижимая к груди мою сумку, точно ценный клад. – Я могу отложить выпускной.

Я осторожно забрала у нее сумку.

– Сара, если ты продолжишь спор, я сплю в гостиницу.

– Обещаю, что перееду туда, когда закончу, – быстро добавила она.

– Знаю. Но до тех пор я со всем разберусь.

Я не сказала сестре о том, что взяла на работе длительный отпуск. Знать об этом ей было необязательно.

* * *

Сара улыбнулась.

– Я приготовила целую речь. Не стоит меня недооценивать. – Она на мгновение замолчала, а потом добавила: – Но вообще-то у тебя супервзрослая работа в рекламе. И супервзрослая жизнь.

– И я все продумала.

Я бросила взгляд в гостиницу. Папа сидел в глубоком кресле, положив ноги в носках на выдвинутое подножку.

– Позаботься о нем, ладно?

– Он скоро будет тусоваться со студентами, – пошутила Сара.

Я слабо улыбнулась. Сестра обняла меня и прошептала:

– Звони мне раз в неделю. Как минимум.

Мама передала гостиницу моей младшей сестре Саре, но ей нужно доучиться последний семестр в художественном колледже, а академический отпуск пару раз она уже брала.

Папа едва может встать с постели, не говоря уже об управлении бизнесом, которому посвятила всю себя его любимая. Поэтому я, как всегда, сделаю то, что нужно. А именно буду управлять этим местом до конца декабря, пока Сара не закончит учебу.

На работе мне легко дали отпуск – вероятно, посочувствовали из-за кончины мамы и преждевременного развода, но в основном меня отпустили потому, что были вынуждены. Свою работу я умею делать, как никто другой.

Я предвидела, что в случае моего отъезда начнется хаос, и уже получила три сообщения на пейджер. Компания передала моих клиентов Марку. Это ужасное решение, потому что он разбирается в нашем деле не лучше, чем петух в арифметике, зато неплохо играет в гольф, и это оказалось решающим аргументом.

Бросаю взгляд в окно с кружевными занавесками.

Класс.

Оно выходит на кухню соседнего дома, и сейчас там девушка-подросток с длинными светлыми волосами танцует перед раковиной под громкую музыку, которую я слышала ранее.

Задерживаю занавески и начинаю распаковку чемодана: аккуратно складываю одежду в ящики, оставляя лучшие рубашки для шкафа. Но вот незадача: оказывается, в нем единственная деревянная штанга. На дальней вешалке висит сливовая кожаная сумочка с застежкой-фермуаром. Провожу пальцами по длинному ремешку. В одежде и аксессуарах мама любила замысловатость, которая присуща и Саре, но иногда ее вкусы совпадали с моими. Только иногда.

Кладу сумочку на кровать и перекладываю в нее косметику и кошелек из своей большой сумки. В любом случае она мне больше не понадобится.

Затем возвращаюсь на кухню и завариваю кофе. Пока кофеварка булькает, я заглядываю в шкафчики: там только сколотые кружки и смятые пакеты с мукой. Придется сходить в магазин.

Поднимаюсь наверх с готовым кофе, чтобы осмотреть гостевые номера и шкафы в коридоре, а затем спускаюсь назад в гостиную, пытаюсь сориентироваться. На стойке регистрации обнаруживается черная папка на трех кольцах. Сверху в прозрачном файлике лежит листок цвета слоновой кости с маминым почерком.

«В гостях у Берди»: информация».

Я забираю папку на кухню вместе с кофе и бросаю взгляд на заднюю дверь, ожидая увидеть скучающую мину Рокета, но...

В конце двора маленькая девчушка просунула ручки сквозь заборчик и обнимает пса. Он уткнулся мордой ей в шею. Девчушка визжит.

О боже.

Я роняю папку, кофе и пулей вылетаю через заднюю дверь.

– Рокет! – кричу я.

Сердце колотится. Спазм сковывает грудь. Я знаю, что он ее не обидит. Он упрямый и непослушный, но не агрессивный.

Он не агрессивный.

Разбрасывая листья массивными лоферами, подскакиваю к Рокету, хватаю его за ошейник и оттаскиваю назад.

И тут до меня доходит, что девочка не кричит. Она хохочет. Ее милый носик морщится от заливистого смеха. Светлые кудряшки, собранные в высокий хвостик с помощью резинки и маленьких блестящих заколок-бабочек, подпрыгивают при каждом вздохе.

– Я ему нравлюсь! – восклицает она.

Совсем рядом хлопает дверь машины, и я замечаю на соседней подъездной дорожке красный пикап. Слышится стук тяжелых ботинок по асфальту, а затем кто-то прокладывает себе дорогу между кустами роз, отделяющими небольшую территорию гостиницы от соседнего дома.

– Бриттани?!

Тут в поле зрения появляется мужчина, и вид у него исключительно обеспокоенный. Темные брови грозно сдвинуты. В опущенных уголках губ читается сильное нервное напряжение.

Такое ощущение, что меня поймали с поличным, но не понимаю почему.

– Что здесь происходит? – спрашивает он, и прежняя дрожь в его голосе сменяется раздражением. Марш сквозь розовые кусты не прошел бесследно: каштановые волосы мужчины взлохмачены, а закатанные рукава оранжевой фланелевой рубашки, открывающие покрытые венами предплечья, сбились, словно он в спешке пытался подтянуть их.

Наконец его взгляд встречается с моим, и вдруг ноги как будто прирастают к земле. Желудок летит в пустоту.

Это тот самый мужчина, которого я видела на похоронах.

То же самое ощущение – что меня *видят*, что мы *сцепились* взглядами, – снова парализует все тело. Его глаза сканируют мои, а затем скользят по мне – от щек к губам и далее к руке, сжимающей ошейник Рокета.

Теперь, когда он стоит так близко, я вижу, что глаза у него голубые, цвета летнего безоблачного дня. Яркие. Счастливые. Совсем не похожие на сегодняшнее пасмурное небо, на этот окрашенный в сепию день из-за осеннего листопада. Едва заметные веснушки усеивают переносицу, а сам нос слегка искривлен, как будто по нему разок-другой попадали кулаком. Над верхней губой виднеется бледный шрамик, вероятно, подтверждающий мое предположение. В

остальном щеки гладко выбриты, а небольшая морщинка возле рта именно такая, какой мне запомнилась. Красивая. Как будто мужчина вот-вот засмеется.

– Он такой мягкий!

Мы оба бросаем взгляд на малышку. Она тянет ручки к Рокету через заборчик. Я оттягиваю пса за ошейник как раз в тот момент, когда он рывком бросается вперед. Мужчина хватается девочку за комбинезон и поднимает вверх. Она неудержимо хохочет.

Он поворачивает ее лицом к себе.

– Что я говорил про незнакомых собак?

– Их гладить нельзя, – отвечает малышка сквозь смех.

Рот соседа растягивается в невольной улыбке. Полная верхняя губа приподнимается с одной стороны, слегка обнажая ровные белые зубы. Он тоже смеется, и его маленькая морщинка становится отчетливее видна.

– Именно. – Он аккуратно опускает малышку на землю и в шутку приказывает: – Стоять.

Его глаза снова находят мои, приковывая к месту.

– Знаете, – он проводит ладонью по волосам, – я не уверен, как следует поступать, когда кто-то похищает моего ребенка.

– Что?

Вопрос звучит резче, чем мне хотелось.

– Может, нужно сообщить куда следует о вас и вашем, – мужчина опускает взгляд на Рокета, – боевом псе?

Он ухмыляется.

Это шутка.

Он шутит.

Ошеломленная столь неожиданным поворотом (беседа с соседом не входила в мои планы на сегодня), я отвечаю:

– Обычно он сторонится людей.

Мужчина щелкает языком и игриво прищуривается.

– Почему-то это меня не успокаивает.

Закрываю глаза и киваю, кривясь.

– Да, я уже поняла.

Он смеется, когда девчушка снова начинает тянуть руки к собаке.

– Можно его погладить?

Рокет тянет носом.

«Можно ее понюхать?»

Наконец я замечаю крошки, прилипшие к карману комбинезона малышки, и вздыхаю.

– У нее есть что-то вкусное. Поэтому пес к ней тянется.

– Ага.

Мужчина делает шаг, затем другой, неотвратно приближаясь, а я в том же темпе отступаю назад. Когда он подходит почти вплотную, смущенно бормочу:

– Подождите, что вы...

Затем он проходит *мимо* меня, наклоняется и поднимает с земли ярко-розовый пластиковый ланч-бокс, который я совершенно не заметила, когда неслась сюда. На крышке, переливающейся блестками, изображены яркие звезды и единорог с радужной гривой.

Мужчина поглаживает ланч-бокс.

– Ну, здесь либо хлеб, либо что-то запрещенное. Как думаете?

Я вскидываю голову.

– Почему там должно быть *что-то запрещенное*?

Он пожимает плечами.

– Может, ваш пес – полицейская собака.

– Рокет – обычный пес.

Девочка хихикает. Может, она привыкла к странным приколам этого человека, но мне совершенно не до смеха.

– А что, вы имеете что-то против полицейских собак?

Незнакомец открывает ланч-бокс. Оттуда высыпаются хлебные крошки. Рокет тут же пожирает их, вызывая у девчушки очередной приступ смеха.

Мужчина наклоняет голову вбок, и пряди волос повинуются этому движению.

– Я собирался с вами встретиться, – говорит он. – Вы же Сара, верно?

По какой-то причине я снова чувствую нервозность.

– Нет. И откуда вам известно...

– Мне сказали, что дочь Берди будет здесь, чтобы...

– Я ее другая...

– Она собиралась взять на себя...

– Я здесь, чтобы управлять...

Наступает пауза, когда мы, наконец, перестаем говорить одновременно.

– Теперь я управляю гостиницей, – выдыхаю наконец.

Сосед шурится.

– Но вас зовут не Сара?

– Нет, я другая дочь.

Мужчина поднимает брови, а его губы растягиваются в улыбке.

– Понятно.

Наша игра в гляделки прерывается громким ахом, доносящимся со стороны кустов.

– Обалдеть. Ты рядом с собакой?

Девочка-подросток, которую я видела в окне кухни, пересекает границу участка, подметая дорожку развязанными шнурками «конверсов».

– Мне *позволено* находиться рядом с собаками, – отвечает мужчина со смехом.

Такое ощущение, будто этот смех все время висит на краешке его губ. Как будто он – причина появления той морщинки возле рта.

– Ты же ненавидишь собак, – замечает девочка.

– Я *не ненавижу* собак, – фыркает мужчина.

Она переводит взгляд на меня.

– А это кто?

– Я пытаюсь это выяснить. Отведешь Бритт в дом?

– Все в порядке? – спрашивает девчонка.

Мужчина улыбается. При взгляде на дочерей на его лице появляется нежное выражение.

– Да. Вернись в дом.

– Но я только что вышла.

– А теперь с не меньшим удовольствием прогуляйся обратно, – просит он, помахивая ручкой ланч-бокса. – Наслаждайся хрустом листьев. И глотком свежего воздуха.

Девочка закатывает глаза так, что становятся видны белки, но при этом улыбается.

– Пойдем, Бритт-Бритт.

Малышка берется за протянутую руку, вскакивает на ноги и машет Рокету.

– Пока, собачка!

Пес напрягается, явно желая последовать за ними, но я не ослабляю хватки.

Держась за руки, девочки идут к задней двери, по пути несколько раз бросая на нас взгляды, пока наконец не исчезают за распашной сетчатой дверью.

– Ох уж эти подростки, – криво улыбаясь, бормочет мужчина.

Он смотрит на меня. Я не заметила, что он подошел ближе и сейчас опирается предплечьем об изгородь. Он находится так близко, что я ощущаю тепло его ладони. Судя по всему, у

него нет никакого представления о том, что такое личное пространство, но первой я не отойду, черта с два.

– Я не расслышал ваше имя, – замечает он.

– Мишель, – отвечаю я.

– Клифф, – сосед протягивает руку. – Клифф Берк.

Я пожимаю ее. Его рука больше моей. На тыльной стороне – бледно-розовый след от ожога. Его рукопожатие твердое и в то же время легкое. Большинство мужчин в моей компании жмут руку вполсилы, будто половиной ладони, словно я какая-то хрупкая ваза, а *этот* мужчина пожимает мне руку как равной.

– Так почему же здесь не Сара? – интересуется он, не выпуская моей руки.

– Что?

– Вы правы. Слишком личный вопрос.

Рукопожатие.

– Вы имеете в виду, почему приехала я, а не сестра?

– Да.

Рукопожатие.

– Она занята, – отвечаю я.

– А вы нет?

– Сейчас нет.

На лице Клиффа снова появляется насмешливая улыбка.

– И что это значит?

– Что я захотела приехать, – лгу я.

– Нет, не хотели, – фыркает он. – А раз так, зачем же согласились?

Он слишком проницателен, отчего я начинаю нервничать еще сильнее и выпаливаю:

– Потому что мама явно больше не может заниматься гостиницей.

Только когда он замирает, я понимаю, что мы все еще жмем друг другу руки. Клифф хмурит брови, а я испытываю острое чувство неловкости.

– Простите, – бормочет он.

Я закрываю глаза и вздыхаю.

– Нет, это вы простите. Был долгий день.

Снова открыв глаза, вижу его мальчишескую кривую улыбку и чувствую, как сжимается грудь.

– Могу себе представить. – Он смотрит на наши сцепленные руки. – Кто первым отпустит – ты или я? Ничего, что я на «ты»?

Я быстро убираю руку. Он наблюдает за моим движением с этой своей язвительной ухмылкой.

– Все нормально. Было очень приятно познакомиться, Клифф.

Делаю шаг назад. Рокет стоит слева от меня и, клянусь, косится на Клиффа. Я чувствую, что делаю то же самое.

– Мне тоже было приятно, Мишель. – Но когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, сосед вдруг кричит: – Как насчет того, чтобы поужинать с нами?

Я останавливаюсь и резко поворачиваюсь.

– Что?

– Ну да. По-соседски отметим твой приезд. У нас здесь так принято.

– Это...

– Поверь, будет весело. И... – Клифф выдыхает с улыбкой, – я уверен, что со временем ты узнаешь нас ближе, Бритт только волю дай. Она быстро заводит друзей.

Не давая мне времени отказаться, он поворачивается и кричит в сторону сетчатой задней двери их дома:

– Эмили! Ставь на один прибор больше!

– Не стоит...

– Это не проблема. У тебя все равно нет продуктов. Так ведь?

Я смотрю на Рокета, а он в это время косится на меня.

«Шелли, какого черта?»

Как по команде, у меня урчит в животе. Клифф переводит взгляд на источник звука, а затем снова вскидывает глаза. На его лице появляется самоуверенная улыбка, а брови приподнимаются.

Я не вижу другого выхода, поэтому отвечаю:

– Конечно.

Глава 3. Клифф

Мишель заходит на мою кухню с опаской, как будто ее пригласили на ужин с Сатаной в аду. И я подозреваю, что следующий за ней по пятам бордер-колли вынашивает план, как украсть мои вилы.

– Песик!

Мимо меня проносится Бриттани. Я вытягиваю руку, но дочь слегка меняет траекторию, поэтому я не успеваю схватить ее за лямки комбинезона. Когда она останавливается перед псом, он усаживается на плиточный пол.

– Рокет, води себя хорошо, – приказывает Мишель.

Тот поводит ухом, но не достаивает ее взглядом.

Мишель остается стоять в дверях – спина прямая, руки скрещены. Алая помада гармонирует с алыми ногтями, которыми она нервно барабанит по стибу руки.

Я помню ее с похорон Берди. Она выглядит так же. Уверенная. Потрясающая. Напряженная. И в то же время одинокая. Я проверяю, есть ли кольцо на ее безымянном пальце. Его нет.

Хм.

Я думал, что она замужем за тем строгим типом, который стоял рядом на похоронах. Но, опять-таки, она дала ему пощечину, и звук удара эхом разнесся по часовне. Никакой любви между ними не было.

– Она такая классная, – прошептала тогда Эмили.

Драма на похоронах на мгновение отвлекла дочь от слез, так что однажды я обязательно поблагодарю Мишель за это.

Оглядывая нашу кухню, девушка приоткрывает рот. Я следую за ее взглядом. Наш дом ничем не примечателен. На холодильнике, пожалуй, слишком много магнитов. Они держат домашние задания, рисунки и заляпанные отпечатками глянцевые фотографии. В кухонном уголке громоздятся книги и корреспонденция, в консоли сложена коллекция компакт-дисков Эмили. Но Мишель смотрит на все это с каким-то благоговением.

Я тоже испытываю своего рода благоговение.

В Коппер-Ран много красивых женщин, но я затрудняюсь сказать, когда в последний раз видел кого-то столь ослепительного. Даже сейчас, без черного траурного платья и в повседневной – в основном черной – одежде Мишель властвует над пространством. Каштановые волосы ниже плеч прямо как у модели с обложки журнала. Длинные темные ресницы оттеняют светло-карие глаза. Черты лица у нее, конечно, мягкие – изящная линия челюсти, четко очерченные скулы и гладкие розовые щеки – но эта нежность контрастирует с рельефностью изогнутых бровей и полных губ.

– Могу я угадать?

Мишель моргает.

– Что именно?

– Город. Я предполагаю, что это Балтимор.

– В смысле?

– Откуда ты родом. Тогда Бостон? – Я щурюсь. – Нет... Сиэтл. Ты работаешь в штате Вашингтон, откуда родом твоя мама.

Она на мгновение замолкает, а затем подтверждает:

– Да. Я из Сиэтла.

Она похожа на девушку из большого города.

Сдерживаю довольную улыбку и кричу:

– Эмили, как там суп?

– Специально для тебя я положила больше тыквы.

По спине пробегает дрожь, и я ежусь, выдавая свои истинные чувства. Бриттани, сидящая на полу, улыбается, проводя руками по черно-белой шерсти собаки.

Мишель подходит к окну над раковиной и двумя пальцами раздвигает рюшевые занавески.

– А у вас, ребята, отличный вид на мою спальню, – замечает она.

– Берди любила устраивать нам представления.

Мы сцепляемся взглядами. Я смеюсь.

– Шучу.

Потом до меня доходит, что, возможно, это было бестактно. Берди бы посмеялась. А у ее дочери, похоже, более серьезное чувство юмора. Ее бесстрастная манера держать лицо и темный маникюр так отличаются от смешливых морщинок и пастельных платьев в цветочек Берди Кэделл.

Я пересекаю кухню и подхожу к шкафчикам.

– Значит, ты берешь на себя управление родительской гостиницей?

Мишель открывает рот, чтобы ответить, но Эмили перебивает ее:

– Подождите, вы дочь Берди?

– Да.

Эмили сразу же мрачнеет.

– Мне очень жаль... ну, вы понимаете.

Мне кажется, что Мишель нервно сглатывает.

– Все в порядке.

– А что с мистером Кэделлом? – спрашивает Эмили.

– Папа сейчас живет с моей сестрой в колледже.

– О... – Эм умолкает.

Скажи я, что это не выбило меня из колеи, я бы солгал. Муж Берди стал такой же неотъемлемой частью этого места, как и она сама. Конечно, он не был особо разговорчивым, он был человеком дела. Он ждал Бриттани на автобусной остановке, когда я задерживался в пекарне, летом готовил барбекю, сидел с нами на веранде по вечерам...

Смотрю на Мишель и сразу вспоминаю о том, что, хотя мы и лишились наших соседей, она лишилась матери. Это совершенно разные вещи. Когда Мишель отвлекается на что-то, я подхожу к плите и наклоняюсь к Эмили.

– Эй, может, не будем ее допрашивать, а? – шепчу я.

– Но ты *только что сам* это делал.

– Да, но я козел, а ты нет, малышка.

Открываю скрипучую дверцу шкафчика и достаю стопку тарелок. Мишель неожиданно оживает и, цокая по напольной плитке каблуками черных лоферов, направляется ко мне. Она протягивает руку.

– Значит, ты приступаешь к работе в разгар сезона в одиночку, да? – Я продолжаю наш разговор, как будто в нем не было неловкой паузы.

– Я справлюсь, – заявляет Мишель, щелкнув пальцами.

С улыбкой перевожу взгляд на ее руку, а затем снова смотрю ей в глаза.

– Ты наша гостья. Ты не будешь накрывать на стол.

Она снова щелкает пальцами, молча оспаривая мою позицию. Я улыбаюсь еще шире и наконец кладу тарелки ей в руку.

– Ладно. Спасибо.

– Куда их поставить? – спрашивает девушка.

Указываю головой в сторону столовой, дверь которой закрыта.

– Мы устроимся там.

Но я не могу перестать смотреть на нее и улыбаться от уха до уха. Она такая самодостаточная и своевольная.

– Мы никогда не едим в столовой, – хихикает Эмили.

– Ну, у нас сегодня гостья, верно? – замечаю я.

– Значит, в столовую? – уточняет Мишель.

– Да, туда.

Но прежде чем она успевает толкнуть дверь, та распахивается ей навстречу, чудом не задев створкой. Мишель спотыкается, и я одной рукой поддерживаю ее за поясницу, а другую подставляю под шатающиеся тарелки, чтобы они не упали. Никакой особой ценности они не представляют, просто других у нас нет.

Появившаяся Кэрол вываливает содержимое сумочки на обеденный столик.

– Если твой приятель Ларс еще раз заглянет по пути и станет спрашивать о тебе, *зная*, что тебя нет, то... О, привет.

Сестра осекается, наконец заметив нашу гостью. А я в тот же самый момент осознаю, что держу эту самую гостью за поясницу. Стоя так близко к ней, я улавливаю легкий аромат амбры и гвоздики в ее волосах. Нет, жженого сахара. Для пекаря многие запахи становятся тошнотворно сладкими за годы работы, но запах жженого сахара никогда не приедается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.